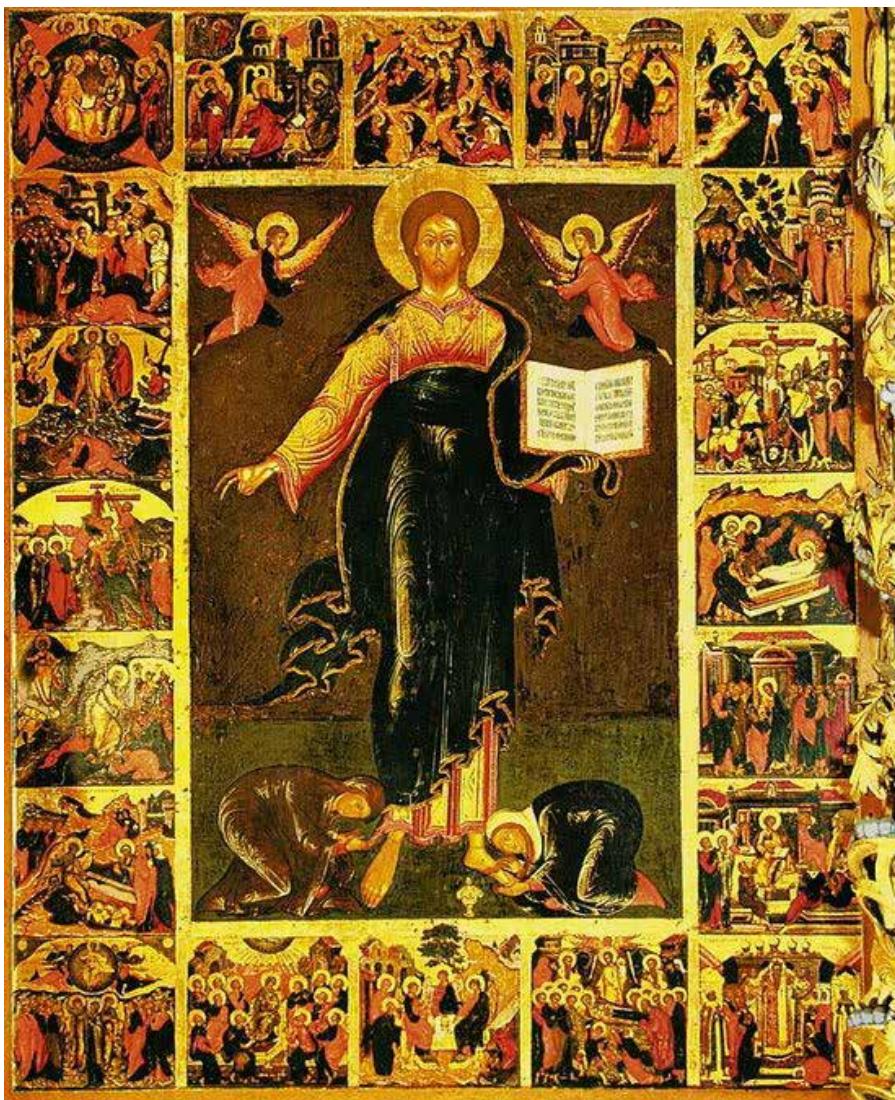

Православный ВЕСТНИК

МАРТ 2021

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

3 История Великого поста

6 Как пост возвращает нам способность потерпеть

8 Великомученик Феодор Тирон

9 Проповедь митрополита Антония Сурожского об ошибках на исповеди

11 Прививка от горя

16 Впечатлений слишком много, чем же наполнить себя?

18 Утраты. Но нас любят, и это придаёт сил

22 Кто хочет быть первым, будь всем слугою. Проповедь Свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

24 Детская страница:
Торжество Православия

26 Летний скаутский лагерь в Рунке

30 Колядки

31 Крестный ход и освящение воды на Крещение Господне в нашем храме

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

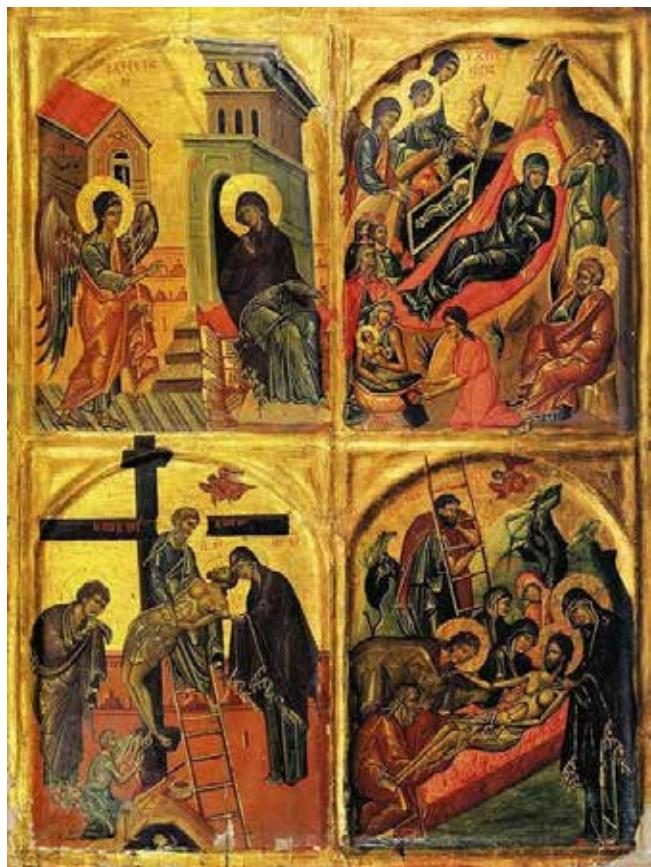
История Великого поста

До III века в разных христианских Церквях верующие по-разному готовились встречать день святой Пасхи. Известный христианский апологет Тертуллиан и святой Ириней Лионский во II веке говорят о практике 40 часовного поста (от вечера Страстной Пятницы до окончания пасхальной литургии), во время которого христиане вообще не принимали пищу. Пост от Великой Пятницы до Пасхи был подражанием сорокадневному посту Спасителя, а также буквальным пониманием фразы Христа в Евангелии от Матфея: «*И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься*» (*Мф. 9:15*)

По мысли первых христиан времена, когда Христос был отнят у верующих, начиналось с момента смерти на кресте до Воскресения, что и определяло продолжительность поста.

В середине III века в некоторых поместных Церквях появляется шестидневный пост, как воспоминание о событиях Страстной недели. При этом часть христиан считала такой подвиг чрезмерным, и продолжала поститься около сорока часов. Во второй половине III века Александрийский епископ Дионисий Великий, отвечая на вопрос, когда нужно завершать Великий Пост, вечером в Великую субботу или утром на Пасху после пения петуха, говорит о разных практиках воздержания: «*И шесть дней поста соблюдаются не всеми равно и одинаково; ибо одни проводят все дни без пищи, а иные ни одного; тем, которые весьма ослабели от продолжительного поста и почти погибают от изнеможения, простительно более раннее вкушение пищи; но если иные четыре предшествующие дня поста... вообще не постились и даже роскошничали и потом, когда наступают последние два дня, их, т. е. пятницу и субботу, непрерывно постятся и думают, что делают нечто великое и славное*».

В начале V века все Поместные Церкви приходят к идеи сорокадневного Великого поста, как десятины года, и с этого момента продолжительность Святой Четыредесятницы

Четырехчастная икона. Синай, XIV в.

в разных Церквях колеблется от 6 до 8 недель. Проблема заключалась в том, как считать субботы и воскресенья, во время которых пост отменяется.

Сколько длится Великий пост?

Великий Пост начинается с понедельника первой недели Святой Четыредесятницы и продолжается до пятницы 6 недели, о чём можно узнать из песнопения, которое звучит в этот день в храме. Затем с Лазаревой Субботы начинаются события Страстной недели, которая уже не входит в Великий пост.

Но существует и ещё один способ превратить 48 дней поста в «декадину года». Как известно, обычный год продолжается 365 дней и несколько часов. Если из семи недель вычесть все субботы и воскресенья, когда пост отменяется, то мы получим 35 дней + ещё несколько часов поста во время пасхальной ночи.

Уже в IV-V веке Церковь считала Великий пост обязательным для всех христиан. В правилах Вселенских соборов и в текстах святых отцов мы можем найти упоминание о том, что христианин, не соблюдавший Великий Пост, на некоторое время мог отлучаться от Церкви. В одной из проповедей святителя Иоанна Златоуста говориться о том, что к IV веку Святая Четыредесятница изменяла привычный уклад жизни Константинополя: «Нигде нет сегодня ни шума, ни крика, ни разрезыванья мяса, ни беганья поваров; всё это прекратилось, и наш город теперь походит на честную, скромную и целомудренную жену».

Сорокадневная продолжительность Великого поста, принятая всей Церковью – это подражание посту Спасителя в пустыне, и посту пророка Моисея, а также стандартное время поста для тех, кто хотел принять крещение. В древней Церкви крестили на Пасху, и оглашенные готовились к этому событию 40 дней, молясь в храме, обучаясь основам веры и соблюдая пост. Остальные же христиане старались причаститься во время Святой Четыредесятницы.

Что такое Великий пост по уставу Церкви?

Если несколько упростить рекомендации Типикона (церковного устава), то пост предполагает ограничение числа приёмов пищи (один раз в день, вечером) и её качества (хлеб и вода, тёплые овощи без масла – сухоядение), и даже полный отказ от пищи и воды (например, в понедельник и вторник первой недели).

То есть с понедельника по пятницу всех недель Великого поста за исключением особых случаев христианин ест один раз в день очень простую пищу без масла (хлеб, вода, овощи).

В субботу и воскресенье разрешается два приёма пищи с растительным маслом и вином (отметим, что церковный устав позволяет выпить не больше стакана вина), поэтому субботы и воскресенья не считаются постными днями.

Отметим, что в древней Церкви какое-то время ещё спорили о том, что можно в эти дни во время Великого поста. Некоторые христиане считали, что допустимо употребление яиц, молочных продуктов и даже мяса птицы, но в

конечном итоге было решено, что ослабление поста в субботу и воскресенье может заключаться лишь в увеличении числа трапез и разнообразия растительной пищи.

Такие строгости были связаны с основной идеей поста – пища должна быть дешёвой и быстрой в приготовлении, а освободившееся время и деньги христианин должен использовать для участия в богослужении и дел милосердия. Разницу в стоимости между обычным и постным обедом предлагалось отдавать нищим.

Довольно рано Церковь поняла, что столь жёсткие правила поста не могут понести все христиане, а потому в церковных канонах установлен некий минимум поста, который должен соблюдаться всеми верующими. Это отказ от мяса, молока и яиц, то есть пост с рыбой, горячей овощной пищей на масле является максимальной степенью схождения к человеческим немощам.

Сейчас же все вопросы относительно меры пищевого поста православный христианин должен обговорить со своим духовником.

Богослужения Великого поста

Богослужения Великого поста заметно отличаются от обычных богослужений. По средам и пятницам совершается литургия преждеосвящённых даров, в воскресенье – литургия свт. Василия Великого, а по субботам – свт. Иоанна Златоуста.

Первые четыре дня первой недели – особые службы, когда читается Великий Канон Свт. Андрея Критского. Канон назван великим как по множеству мыслей и воспоминаний, в нём заключённых, так и по количеству его тропарей (около 250, тогда как в обычных канонах их бывает около 30). Великий Канон также читается в четверг пятой недели, когда вспоминается житие св. Марии Египетской. Служба пятницы первой недели тоже особенная – на этой службе празднуется память св. Феодора Тирона и производится благословение Колива.

В воскресенье первой недели, празднуется Торжество Православия в воспоминание восстановления иконопочитания в Византийской Империи при императрице Феодоре (843 г.).

Во второе воскресенье Великого поста Церковь вспоминает святителя Григория Паламу, жившего в XIV веке и учившего, что за подвиг поста и молитвы Господь озаряет верующих Своим благодатным светом, каким сиял Господь на Фаворе. По той причине, что св. Григорий раскрыл учение о силе поста и молитвы, и установлено совершать его память во второе воскресенье Великого поста.

Третья неделя называется Крестопоклонной. В третье воскресенье за Всенощной выносится Святой Крест. Все верующие покланяются Кресту, в это время поётся: «Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим». Церковь выставляет в середине Четыредесятницы верующим Крест для того, чтобы напоминанием о страданиях и смерти Господней укрепить постящихся к продолжению подвига поста. Св. Крест остаётся для поклонения в течение недели до пятницы.

Три субботы – второй, третьей и четвёртой недель Великого поста установлены для поминования усопших: Великопостные родительские субботы.

В четвёртое воскресенье вспоминается великий подвижник VI века – святой Иоанн Лествичник, который с 17 до 60 лет подвизался на Синайской горе, и в своём творении «Лествица Рая» изобразил путь постепенного восхождения человека к духовному совершенствованию, как по лестнице, возводящей от земли к вечно пребывающей славе.

На пятой неделе вспоминается жизнь Св. Марии Египетской – великой грешницы, которая смогла искренне покаяться в совершенных грехах и долгие годы провела в пустыне в покаянии. Её пример должен убеждать всех в неизреченном милосердии Божьем. И как уже было сказано, в четверг пятой недели вновь читается Великий Канон - «стояние Св. Марии Египетской».

В субботу на пятой неделе совершается «Похвала Пресвятой Богородице»: читается великий акафист Богородице. Эта служба установлена в Греции в благодарность Богородице за неоднократное избавление Ею Царьграда от врагов. **В пятое воскресенье** Великого Поста совершается последование преподобной Марии Египетской.

Святитель Григорий Палама

В субботу на шестой неделе на Утрене и Литургии вспоминается воскрешение Иисусом Христом Лазаря.

Шестое воскресенье Великого Поста – великий двунадесятый праздник, в который празднуется торжественный вход Господень в Иерусалим на вольные страдания. Этот праздник иначе называется Вербным воскресением, Неделею Вайи и Цветоносною. На Всенощной освящаются молитвой и окроплением святой воды распускающиеся ветви вербы (вайа) или других растений. Освящённые ветви раздаются молящимся, с которыми, при зажжённых свечах, верующие стоят до конца службы, знаменуя победу жизни над смертью (воскресение). Вербным Воскресением заканчивается четыредесятница и наступает Страстная Седмица.

Службы Страстной седмицы в каком-то смысле уникальны, т.к. не повторяются в таком виде ни в какое другое время. Это и вечерняя служба в **Великую среду**, когда Церковь со скорбью вспоминает предательство Христа Иудой Искариотом.

Это служба **Чистого четверга** с чтением 12 Евангелий, когда после службы люди расходятся по домам с зажжёнными свечами. Совершенно неповторима и пятничная служба, когда

происходит **вынос Плащаницы**. Плащаница – это икона, изображающая Спасителя, лежащего во гробе. Обычно это большой плат (кусок ткани), на котором написан или вышит образ положенного во гроб Спасителя. Вынос Плащаницы и Чин погребения – это два важнейших богослужения, которые совершаются в Великую пятницу Страстной седмицы.

Великая пятница – самый скорбный день в церковном календаре для христиан всего мира. В этот день мы вспоминаем Крестные страдания и смерть Иисуса Христа. На вечерней службе в этот день происходит также Крестный ход – Плащаницу обносят вокруг храма и поют «Святый Боже». Крестный ход сопровождается погребальным звоном колоколов. По окончании чина погребения Плащаницу подносят к царским вратам, а потом возвращают на место посреди храма, чтобы ей могли поклониться все священнослужители и прихожане. Там она находится до позднего вечера Великой субботы.

На утренней службе Великой субботы во время литургии св. Василия Великого происходит смена траурного убранства на праздничное – Церковь начинает готовиться к Празднику Светлого Христова Воскресения!

В субботу вечером в храме начинают читать Деяния апостолов, а при наступлении воскресенья в алтаре, куда к этому моменту заносится Плащаница, начинается пение с нарастающей громкостью: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земле сподоби чистым сердцем Тебе славити».

И дальше уже идёт праздничный **Крестный Пасхальный ход** и самая радостная служба всего годового круга – **Светлая Пасха!** Многократное звучат на этой службе слова «Христос воскресе! – Воистину воскресе!» И никто из верующих не устает их повторять каждый раз, и не знает границ та радость, которая наполняет в эти минуты сердца христиан!

Как пост возвращает нам способность потерпеть. И почему идея о неважности еды – на самом деле самообман

Да, конечно, важнее не обижать людей. Важнее проявлять милосердие к нуждающимся. Важнее усердно изучать Писание и постигать содержание нашей веры. Но почему идея о пренебрежении менее важным неизбежно приведёт к тому, что и более важное не сложится? Рассуждает публицист Сергей Худиев

Когда я был новообращённым христианином, пост был возможностью пережить эту новую идентичность. Я хотел подчеркнуть, что теперь я православный. Православные соблюдают посты. Я стал частью этого сообщества, это для меня важно, я буду показывать свою веру тем, что буду держать пост. Тогда это было несколько легче – рестораны быстрого питания уже были, но мне, как и большинству сограждан, на тот момент они были малодоступны. Не было вот этой всей мясной еды на каждом углу – хочешь бургер, а хочешь плов, и вообще мы больше ели дома, так что проще было отказаться на это время от мяса.

Потом моё усердие к посту ослабело и я воспринял все эти известные разговоры про то, что не так важно, что вы там едите, главное людей не обижать, и вообще все эти средневековые установления отражают ритм жизни, совершенно чуждый современному горожанину.

Но потом я начал понимать на новом уровне насколько важен пост. Да, конечно, важнее не обижать людей. Важнее проявлять милосердие к нуждающимся. Важнее усердно изучать Писание и постигать содержание нашей веры. Много чего важнее.

Но в нас всё время заводится один и

тот же механизм самообмана: сначала мы пренебрегаем менее важной вещью А, потому что вещь В гораздо важнее. А потом мы пренебрегаем и вещью В, потому что как-то не складывается, мы сами не понимаем, почему. Но почему – на самом деле ясно.

Добродетель, любая добродетель: молитва, милосердие, воздержание, кротость – требует дисциплины. Нас часто подводит представление о духовной жизни как о чём-то, что происходит по наитию, без наших усилий, как-то само собой, но это представление не соответствует ни Библии, ни всему опыту Церкви.

Святой апостол Павел сравнивает стремление к христианскому совершенству с напряжённой тренировкой атлета, который готовится состязаться за звание чемпиона: «*Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного*» (*I Кор. 9:24,25*). Как-то в детстве я смотрел фильм про школьника, который ленился тренироваться, потому что для победы главное – «сила духа и сила воли». Естественно, он проиграл. Потому что сила духа и сила воли атлета проявляется в том, что он усердно тренируется. Само слово «аскеза» происходит от глагола «аскео» – «упражняться».

Нас не удивляет, когда атлет воздерживается от определённых видов пищи и вообще ведёт дисциплинированный образ жизни – без этого он не добьётся никаких результатов. Так и вера человека проявляется в том, что он не ленится и прилагает усилия к тому, чтобы подчинить себя церковной дисциплине. В воскресное утро встаёт, чтобы идти на Литургию. В пост проходит мимо гамбургеров. Посвящает время молитве.

Конечно, любая попытка это сделать немедленно обнаруживает в нас огромные запасы противления и лени. В похожей ситуации оказывается мирской человек, который пытается усвоить какие-то полезные привычки, например, бегать по утрам.

Но нам стоит признать, что против дисциплины в нас восстаёт именно лень, а не что-то ещё. Это вовсе не какое-то особенно глубокое проникновение в сущность христианства побуждает нас пренебречь

постом. Это просто лень и неспособность хоть в чём-то себя стеснить.

Как-то на одном из западных консервативных ресурсов я увидел мотиватор: «Красота – это восстание против современного мира». Воздержание, добровольное самоограничение – это тоже восстание против мира, который ориентирует нас на неограниченное потребление. Мы решаем для себя, что бывают вещи поважнее, чем вкусно есть. И это решение оказывается мудрым, полезным и спасительным.

Как-то я читал книгу светского психолога, который указывал на то, что одна из проблем современного человека, которая мешает ему жить и работать – это неспособность переносить дискомфорт. Нетерпение, как мы бы сказали. Неспособность упорно трудиться ради результатов, которые появляются далеко не сразу. Неспособность терпеть что-то утомительное и раздражающее. Автор считал, что одна из причин этого – развитие индустрии быстрого питания. Если ещё в нашем детстве мы должны были терпеть, пока мама приготовит обед, то теперь готовый обед продаётся на каждом углу. Простейшая школа терпения – способность час-другой перенести лёгкий голод – ушла из нашей жизни с пагубными последствиями для всех нас.

И вот пост возвращает нам эту способность немного потерпеть, и возвращает нам власть над нашим телом. Разумом мы понимаем, что переедать вредно, но наша животная природа требует есть как можно больше, как будто нам предстоит долгая зимняя голодовка и мы умрём, если не накопим достаточно подкожного жира.

Пост – это восстановление нашей власти над телом и его аппетитами. Это определённо пойдёт на пользу телу; но важнее, что это пойдёт на пользу душе. Научившись такой относительно менее важной вещи, как пост, мы научимся и более важным вещам: упорству в молитве, обузданию раздражительности и гнева, усердию в добрых делах. Конечно, это трудно и требует постепенности. Мы будем срываться и начинать снова. Но начать – очень важно.

Великомученик Феодор Тирон

Проходят первые дни первой седмицы Поста, и в пятницу утром мы празднуем память великомученика Феодора Тирона.

Кто это такой, и почему в день его памяти приготавливается каша из зёрен, украшенная цукатами?

Феодор Тирон жил в городе Амасии, в Понтийской области, во время гонений императора Максимиана (286–305 гг.). Его прозвище *Tiron* по-латыни значит новобранец. Он был воином, и вот однажды, вместе с другими христианами, язычники принуждали Феодора отречься от Христа и принести жертву идолам. Отказавшись исполнить это, Феодор был подвергнут жестоким мучениям и заключён в темницу.

Здесь во время молитвы его утешил Господь, явившись Феодору. Через некоторое время мученика вывели из темницы и разными пытками снова принуждали отречься от Христа. Наконец, видя непреклонность мученика, его приговорили к сожжению. Святой Феодор сам беспрепетно взошёл на костёр и здесь с молитвой и славословием предал свою душу Богу. Это произошло около 305 года. Его тело погребли в городе Евхайтах (ныне Марсиван, в Малой Азии). Позже его мощи перенесли в Царьград, в храм его имени; глава его находится в Гаэте, в Италии.

Через полвека после кончины св. Феодора император Юlian Отступник (361–363 гг.), желая осквернить христианский Великий пост, приказал Константинопольскому градоначальнику каждый день в течение первой недели Поста тайно кропить кровью идольских жертв съестные припасы, продаваемые на рынках. Святой Феодор в ночном видении явился Константинопольскому архиепископу Евдоксию и велел ему объявить христианам, чтобы они не покупали на рынках осквернённые припасы, но употребляли в пищу коливо (кутью), то есть варёную пшеницу с мёдом.

В память этого события Православная церковь до сих пор ежегодно отмечает память великомученика Феодора Тирона в первую субботу Великого поста. Накануне, в пятницу, после Литургии Преждеосвященных Даров служится молебен святому Феодору Тирону и благословляется коливо.

Помолимся и мы святому мученику словами его тропаря: «Велия веры исправление. Во источнице пламене, яко на воде успокоения, святой мученик Феодор радовашеся: огнем бо всесожжегся, яко хлеб сладкий Троице принесеся. Того молитвами, Христе Боже, спаси души наша».

После совершения песнопения в честь св. Феодора коливо кропится святой водой. На трапезе, прежде чем есть что-то другое, все съедают несколько ложек душистого колива.

Если мы не имеем возможности прийти в этот день (в пятницу первой недели Поста) в храм, то мы можем приготовить коливо дома, окропить его святой водой и благоговейно вкусить на своей домашней трапезе.

«Я не воровка, просто взяла чужое без спросу»

*Митрополит Антоний Сурожский
об ошибках на исповеди и о том, как правильно к ней подготовиться*

Нам говорят, что мы созданы по образу Божию. А теперь давайте заменим слово «образ» на его греческий эквивалент – «икона». Представьте себе, что вы глядите на себя и говорите: «Я – икона». Как её оценить? Я думаю, как старинную икону, которая местами по-прежнему прекрасна, а местами сильно повреждена, изрядно попорчена людьми или непогодой. В ней есть небольшие фрагменты, в которых сохранилась первозданная красота писаной иконы, но есть и замалёванные части. Чтобы отреставрировать её, необходимо сначала изучить то, что осталось нетронутым, а затем попытаться снять слой краски, которой был замазан образ, чтобы восстановить икону максимально близко к оригиналу.

Так и следует поступать человеку: находить в себе то, что ещё сохранилось от подобия Бога, через те связанные с Ним темы, на которые получается откликнуться радостно, всем сердцем: «Это истинно, это прекрасно!» А затем попытаться содрать с себя всё уродующее.

Если на лице появляются прыщи, человек старается от них избавиться – никто не говорит, мол, ну такое уж у меня лицо, оно могло бы быть красивым, если бы не прыщи, но это ничего. Или если у человека какая-нибудь болезнь, он не говорит: «Я совершенно здоров, если не считать проказы, туберкулёза, рака и ещё парочки других заболеваний». Никто не хочет быть прыщавым или больным, но начинать надо с желания стать красивым и здоровым. Нет никакого смысла зацикливаться на проказе, раке, туберкулёзе и чем-либо ещё, забывая, что помимо этого есть организм, полный жизни и способный бороться с болезнью.

Если посмотреть на грех с этой стороны, становится понятно, что с некоторыми вещами имеет смысл вдохновенно бороться, а с некоторыми – не имеет. Ведь если человек

обнаруживает у себя прыщи, он энергично принимается их выводить, но если у него нет туберкулёза, то зачем ему пытаться от него избавиться?

И вот что происходит, когда кто-то говорит, мол, в Евангелии же сказано, что надо быть смиренным, – отлично, я постараюсь стать смиренным. Но у вас для этого нет необходимого материала, вы не знаете, как это делать. А если вы чувствуете, что вас уродует что-то более понятное и знакомое: леность, трусость, лживость и ещё множество всяких подобных вещей, вы можете бороться с ними вдохновенно, поскольку вы видите на опыте, что это имеет смысл.

Так попробуйте каждый раз, готовясь к исповеди, прежде всего задаться вопросом: что есть во мне такого, чего я стыжусь, что мне не нравится, что меня уродует? Затем спросите себя: что другим кажется во мне неприятным и уродливым? Затем: что люди находят во мне хорошего? А затем подумайте, правы ли они? Я на самом деле милый и обаятельный – или я беспечный и лицемерный? А затем задайте себе вопрос: в чём моё подобие Богу? Насколько я похож на всё то прекрасное, что есть во мне? Что во мне заставляет меня быть хуже, чем я есть? Тогда у вас получится очень интересная исповедь: интересная не для священника, который будет вас слушать, но интересная и полезная для вас самих.

Меня очень часто критiquют, и всякий раз, когда я узнаю, что люди обо мне думают, мне приходится остановиться и поразмышлять: кто из нас прав – я или они? Например, можно быть очень добрым к людям, но иметь при этом холодное сердце. Можно демонстрировать всё что угодно, втайне зная, что вы не такой.

Притом когда люди кого-то критiquют, они очень редко бывают совершенно неправы. Они

могут быть неправы в том или в другом, но если многие считают вас неуживчивым, это не значит, что у них всех тяжёлый характер и это они не в состоянии ужиться с таким славным человеком, как вы.

Иногда можно спросить чьего-нибудь мнения, но надо быть очень осторожным, поскольку ответ может вам совсем не понравиться. Если спросить своего лучшего друга: «Что во мне дурно?» и получить в ответ пять-шесть очень неприятных замечаний, есть риск изменить своё мнение об этом друге, и это будет очень несправедливо, потому что, как вы знаете, нам часто нравятся люди, которым нравимся мы сами. Но как только они находят в нас какой-нибудь недостаток, нам сразу кажется, что они вовсе не такие чудесные, как мы думали. Но, конечно, мнение других людей всё же стоит узнавать.

Расскажу вам один случай. Произошёл он в маленьком храме, где было трудно говорить на исповеди так, чтобы тебя не слышали другие. Помню, там исповедовалась одна женщина, исповедовалась очень-очень долго. На протяжении довольно продолжительного времени было слышно её бу-бу-бу, а потом раздался громкий и ясный голос нашего приходского священника, который был глуховат: «А теперь, когда вы исповедались за всех своих друзей и знакомых, может быть, перейдём к вашей собственной исповеди?»

Или ещё иногда бывает: приходит ребёнок и скорбно повествует о своих прегрешениях, после чего я задаю вопрос: «А ты сожалеешь об этом? Я вот не вижу ни одного повода для сожалений». – «Не, я нет, это моя мама

сожалеет!» Если заменить в этом ответе слово «мама» на слово «Бог», получится описание исповеди многих взрослых. Они выписывают себе перечень грехов, потому что знают, что так поступать нельзя, но на самом деле им всё равно. Это Богу не всё равно, так вот они исповедуются из вежливости к Нему.

Ещё одна вещь, которую никогда нельзя делать во время исповеди – заменять неприятные слова более удобоваримыми.

Например, десятки раз я слышал, как люди говорят: «Ох, батюшка, боюсь, я взяла то, что мне не принадлежит». И «боюсь» вовсе не значит, что человек боится Божьего суда, это просто способ смягчить формулировку. Поэтому в таких случаях я всегда говорю: «Вы хотите сказать, что вы воровка?» – «Батюшка, как же вы можете называть меня воровкой! Я честная женщина». Я отвечаю: «Ну, вы же сами сказали мне, что укради». – «Да нет, не украда, просто взяла чужое без спросу». – «Это и называется „украсть“ на любом языке».

Или вот ещё что я нахожу очень утомительным: когда люди со скорбным выражением на лице говорят мне: «Я, батюшка, грешен во всем». И надеются этим отделаться. Я в таком случае говорю: «Неужто вы в свои восемьдесят лет прелюбодействуете?» – «Батюшка, да как вы можете!» – «Вы, такой честный человек, воруете?» – «За что вы меня так оскорбляете?» – «Вы не почитаете отца и мать?» – «Батюшка, да вы с ума сошли, их уже сорок лет как на свете нет». И тогда я говорю: «Значит, вам просто всё равно, совершили вы один грех, или двадцать два, или вообще все грехи, для вас это не имеет значения. Идите домой и поразмыслите над этим».

Теперь-то все уже научились не говорить мне на исповеди «грешен во всём», поэтому я домой никого не отправляю, но в первые годы своего служения такое случалось. Так что имейте это в виду и не сообщайте мне: «Смиренно признаю, что совершил все грехи» – все равно я пройдусь с вами по всему списку и выясню, так ли это.

Апрель 1979 года

Прививка от горя. Пока Бог любит нас, мы есть

Архимандрит Савва (Мажуко)

«Какое самое большое горе ты перенёс в своей жизни?» Этот вопрос отрезвляет. В нашем благополучии мы порой забываем, что мир хрупок, а все мы здесь ненадолго. Даже те, кого мы так любим, уйдут – дети, мужья или жёны, родители. Но у христиан есть прививка от горя: быть однажды – быть навсегда. Перед пречистыми очами Божиими мы все уже умерли и воскресли, но ещё не родились.

О некоторых людях невозможно сказать «был». Отчего бы это? Ведь жил человек на земле – совершенно точно! – а потом умер, и его нет. Значит, был?

Почему был? Вот я вижу его походку, слышу голос и волнуюсь, будто он и в самом деле зашёл в комнату. Но ведь это только в памяти, а здесь, сейчас его нет, он отсутствует.

Его нет, но нет как-то иначе, будто речь идёт о живом отсутствии, потому что, если кто-то есть, то он есть навсегда. Однажды быть – остаться насовсем.

Когда я вспоминаю отца Макария, не могу сказать: «У нас был схимник Макарий», – сама речь сопротивляется, и я всякий раз говорю: «Вот Макарий», и улыбаюсь. Так всегда случается: стоит вспомнить Макария, и тут же улыбка. И это не только со мной. Кто знал старичка, только услышит его имя, возьмётся вспоминать – тут же на лице улыбка! – такой это добрый был человек. Значит, все-таки «был».

Нелепое слово. Всего три буквы, и умудриться впихнуть «ы» в середину, а «эл» всего лишь суффикс прошедшего времени – приставлен для порядка, по должности – и от бытия осталась всего одна буква, припечатанная грубым звуком и казённым суффиксом.

Было. Всё было. А теперь нет. Отсутствует. Вымарано из бытия. Не есть.

Но позвольте... Это что же... меня нет? Именно вас. Но это ненадолго, потому что вас ещё нет, но ропщут в основном, когда уже нет. И всё ваше драгоценное есть между двумя было: ещё не было и уже было.

Какая короткая жизнь! Невольно пятишься от края, но – некуда отступать!

16 августа 1976 года – важнейшая дата! – день, когда меня ещё не было. Меня не было уже целые сутки до того, как я появился! А по городу ходили люди, кошки дремали в тени, в пионерском лагере играл баянист у костра, и весь мир дышал полной грудью. Крыши домов раскалялись под солнцем, в бабушкином саду наливались груши и яблоки какого-то невероятного сорта, которые уже много лет плодоносили и волновали соседей, но всё это – без меня, я не вдыхал этот волшебный аромат летнего Гомеля – запах подгнивших груш, сладкой пыли и шоколада.

А спустя сутки: «Я есть!» Но весь этот прекрасный мир так долго обходился без меня! Почему?

Меня не было, когда немцев прогнали из города. Меня не было, когда в Гомель пришла революция и старая княгиня отдала ключи от дворца. Меня не было, когда отменяли крепостное право, Герцен и Чернышевский никогда не слыхали обо мне.

Раненый Пушкин лежал в снегу, и глухая смерть надвигалась на поэта. Он родился, любил и умер, а я ещё сто лет не приходил – как же мы разминулись?

Походы Наполеона и победы Суворова, Ливонская война и корабли Колумба, монголы и половцы, крещение Руси – сколько есть сил, отматывай назад! Слоны Ганнибала мёрзли в Альпах, Архимеду постоянно мешали чертить на песке, и кто-то однажды замыслил в Риме невероятный Пантеон, и некто разрушал в Афинах Длинные стены. Все были при деле. Но без меня.

А потом, после меня: будут стены, люди, войны и слоны, великие империи поднимутся и рассыплются в прах, яркие открытия перевернут науку, рождаются и умрут поэты и философы – и так до самого конца, на столетия вперёд до самых последних мгновений, когда живое так устанет жить, что задохнётся в собственной усталости. Всё это будет. Без меня.

19 августа 1976 года. Я хорошо знаю этот день. Я исходил мыслью каждую его минуту. Это праздник Преображения, который в этот раз

прошёл без меня, я задержался всего на сутки. Пели литургию, святали яблоки – без меня. Последний день, когда меня ещё не было. Брат-близнец первого дня, когда меня уже не будет.

Всё правильно. Всё по порядку: родился человек, жил, помер. Побыл немножко — уступи место другому.

История человечества – музыкальное произведение. После увертюры вступили скрипки, умолкли, соло кларнета, потом запела виолончель и, отыграв свою фразу, уступила арфам, но и они вдруг стихают, и шикарный тенор начинает свою арию. Арфы смолкли. Значит ли это, что они умерли? Нет, они просто терпеливо ждут знака дирижёра, чтобы снова вступить.

20 августа 1976 года началась моя ария, и однажды она разрешится последней нотой, завершающим аккордом. Но в этой симфонии я уже навечно и с этим ничего не поделаешь.

Кто жил однажды — жив навсегда. Но зачем помнить время, когда тебя не было? Чтобы принять день, когда меня не станет!

Пока меня не было, в 1092 году, в славном городе Полоцке случилось страшное: ночью жители слышали топот целой армии всадников, безумная конница неслась по улицам, оставляя следы копыт на песке, но никого не было видно – в городе неистовствовал невидимый враг. Всякий, кто выходил на улицу, умирал в страшных муках. Спаслись только те, кто не покидал дома. Об этом нашествии сообщает Нестор-летописец. Тогда полочане думали, что на них напали навы – то ли духи умерших, то ли вампиры – людям было так страшно, что они даже не старались справиться о социальном и мифическом происхождении таинственных врагов.

«Полоцкие навы» – так назвали историки это странное происшествие, а этнографы предположили, что таким образом в летопись попала история о разгуле эпидемии в средневековом городе. Про вирусы тогда не знали, медицина делала первые шаги, но то, что с человеком навсегда, в какую бы эпоху он ни жил, летописец передал хорошо – ужас внезапно разверзшейся бездны.

В 2020 году в наш благополучный мир вновь пришли навы. Столько смертей, столько разговоров о неизбежном, что воздух насквозь пропитался тревогой.

Это не должно было с нами случиться! Мы ведь так хорошо шли и все делали правильно! И

поверили в свою неуязвимость!

До каких бы вершин ни дошёл прогресс, человек никогда не перейдёт положенных ему рубежей. Я однажды начался и однажды закончусь, мне не выплескать свою биографию ни в одну, ни в другую сторону. Хотя живой всегда уверен, что смерть – это так далеко, что хотя и доходят до нас вести, что в Сомали, говорят, неспокойно, а на Камчатке вулкан – мало ли чего бывает там, за горизонтом!

И вдруг повеяло смертью так близко, что мы не сразу и поняли. Каждому взрослому известно это чувство загробного холода, когда беда и смерть так близко, словно касается кожи. Не грохот тяжёлых призрачных подков за дверью, а совсем близко, так что ничто не защитит.

Один школьник рассказывал, как из-за какой-то чепухи поругался с учительницей и, рыдая, пошёл сводить счёты с жизнью. Он уже решился на последний шаг, но вдруг замер в ужасе. Как спасся, уже не помнит.

– Что же ты там увидел?

– Я заглянул в бездну!

Пока ты здоров и тебя окружает спокойная и сытая жизнь, кажется, что и бездны-то никакой нет и в мире всё так уютно, что даже скучно. Только это всё ложь.

Благополучие опьяняет. Скажите пьяному: «Опять напился?» – обидится: «Да я как стёклышко!» Намекните благополучному о его благополучии – оскорбится, потому что приличному человеку положено быть обиженным и недовольным.

Я первый защитник комфорта. Мне нравится жить в XXI веке, и ни на какой другой я бы его не променял. Здесь есть медицина, образование, газ и электричество, удобная одежда, фрукты круглый год и, главное, вода. Да, не везде такой достаток, но, чтобы умереть от голода в наше время и в нашем месте, надо приложить определённое усилие. Но так было не всегда. Привычному благополучию нет и ста лет.

В 1973 году Валентин Распутин написал рассказ «Уроки французского». Это история ребёнка, пережившего все трудности послевоенного времени. Мальчику одиннадцать лет. Он живёт в глухом селе с мамой и младшими детьми. Отца нет. Парень смышлённый и хорошо учится, но в деревне нет школы, и его отправляют в пятый класс в районный центр к чужим людям. Ничего волшебного не происходит в жизни паренька, потому что все мечты и надежды не

так ярки и значительны на фоне постоянного голода. Вместе с сестрёнкой они глотают глазки от картошки, надеясь развести в животе огород, чтобы есть не так хотелось.

Раз в неделю из села едет машина, и мама передаёт парнишке хлеб и картошку. Вот такой рацион у ребёнка в одиннадцать лет. Ни витаминов, ни сбалансированного питания, и готовит он себе сам, а из мешка постоянно кто-то ворует, так что мальчику приходится ужинать пустым кипятком из тёtkиного чайника. Предел счастья – стакан молока, но об этом можно только мечтать, и парень идёт играть на деньги с уличными хулиганами, чтобы выиграть рубль, только рубль: столько стоит баночка молока. Но время от времени его жестоко избивают за выигрыши.

Учительница французского старается подкормить мальчика, но он гордый советский школьник и подачек не принимает. Она идёт на хитрость: собирает ему посылку якобы от мамы, но по наивности кладёт туда макароны, которых в деревне и не видывали. Мальчик не сразу заметил уловку, и в рассказе есть потрясающая сцена, когда голодный школьник забивается под лестницу и с жадностью грызёт сухие макароны. Это писал человек, который знает, что такое голодать!

Или вот случай, когда ему удалось раздобыть стакан молока, уже подмёрзшего, но он с таким восторгом глотает льдинки со сливками! Учительница шлёт с Кубани мальчику посылку, в которой лежат яблока, и рассказ заканчивается, кажется, одной из самых трогательных фраз русской литературы:

«Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они».

Мальчику одиннадцать лет. Вершина счастья – чёрный хлеб и стакан молока. Он ещё никогда в жизни не видел яблок.

Но мы больше сочувствуем другому мальчику. Ему тоже одиннадцать. Он живёт у нелюбимых родственников в комнатке под лестницей. Нет, не голодает, но и в роскоши не живёт. Правда, обноски, в которых он ходит, куда симпатичнее той рванинки, в которую одет его сибирский ровесник, и сам мальчик выглядит получше: черные волосы, круглые очки и таинственный шрам на лбу. Он тоже едет учиться. Только не в районный центр, а в Хогвартс, и ждут его там невероятные опасности и приключения.

О непростой жизни британского сироты сняли

прекрасный фильм, который видели миллионы. По рассказу Распутина тоже вышла картина, к которой долго готовились. Никак не могли найти актёра на главную роль. Опробовали сотни мальчишек, талантливых и интересных, но никто не попадал в образ. Каждому из них режиссёр задавал один-единственный вопрос:

– Какое самое большое горе ты перенёс в своей жизни?

Дети отвечали то, что могут ответить дети, рассказывали о своих маленьких огорчениях, но это были благополучные советские ребята, которые жили в комфорте и достатке. И только один мальчик ответил:

– Да вся моя жизнь – сплошное горе!

Парень вырос в детдоме. Он знал, о чём говорит. Роль досталась ему.

Я не против благополучия. Я его первый защитник. Пусть у детей будут родители! Пусть наша земля никогда не узнает войны! Пусть у детей всегда будут и молоко, и хлеб, и яблоки!

Только, несмотря на все мои молитвы и призывы, жизнь никогда не потеряет свою уязвимость, а наше благополучие крайне хрупкая вещь, которая может разбиться вдребезги в любой момент, и к этому моменту надо быть всегда готовым. Надо разрешить себе мысль о хрупкости этого мира, о том, что мы все здесь ненадолго, не только мы, но и наши дети, мы умрём, и это нормально, так было всегда. Чтобы не охмелеть от благополучия, нужно учиться быть благодарным и не стесняться размышлять о бренности бытия.

Мудрый Сенека советовал своему другу поставить себе простой духовный навык, привычку не прятаться от горя, а выходить ему навстречу:

«Ничто не должно заставать нас врасплох. Нужно посыпать душу навстречу всему и думать не о том, что случается обычно, а о том, что может случиться» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо ХСI, 4).

Хотя, может быть, самым простым духовным упражнением мог бы стать вопрос, который задавал детям пытливый режиссёр:

– Какое самое большое горе ты перенёс в своей жизни?

Это здорово отрезвляет!

Без духовных упражнений очень трудно обуздить благополучие. Древним эллинам с этим было проще, потому что в те времена и земля была ближе, и смерть доступнее. Император-

философ Марк Аврелий приучал себя смотреть на детей не только с радостью, но и с мыслью, что не сегодня, так завтра они непременно умрут.

- Античное изуверство!
- Скорее, здоровый реализм!

Разве вы не знаете, что ваш ребёнок умрёт? Вот и ответ. Обычно это происходит уже после смерти родителей, но каждый может вспомнить немало исключений. Этой мысли не надо бояться. Надо быть готовым. Если вообще к такому можно подготовиться.

Учитель Марка Аврелия, премудрый Эпиктет, обучал своих слушателей смотреть на жизнь как на морское путешествие. В древности ходить на корабле было куда опаснее, чем сейчас. Жизнь вообще была полна превратностей в то неспокойное время. Может быть, поэтому философами тогда называли мудрецов, а не специалистов в философской литературе, и книги этих мудрецов читают уже не первое тысячелетие.

«Шёл корабль, своим названьем гордый, океан стараясь превозмочь». Но вот стал кораблик на якорь. Пассажиры вышли на берег набрать воды и провизии. И дальше Эпиктет рассказывает о бродяжничестве по суше таким языком, что невольно улыбнёшься. Идёшь, говорит, по бережку, и тут тебе подвернётся то ракушка, то луковка, а может, попадётся жена и ребёнок, и даже не один. И все эти ракушки, и луковки, и жёнушки у него так здорово рифмуются:

кохλίδιον καὶ βολβάριον
γυναικάριον καὶ παιδίον.

Так бы и запел: то ракушка, то луковка, то жёнка, то малыш! Это не песня такая, это жизня такая! Одной фразой Эпиктет схватил обычную биографию обычного человека.

Только это не всё. Коли гуляешь по берегу, не забывай время от времени оборачиваться в сторону корабля и не уходи далеко, чтобы не пропустить оклик Капитана.

Корабль жизни может сняться с якоря в любой момент, и тогда придётся тебе спешно бежать на голос Капитана и оставить тут на солнечном бережку и ракушку, и луковку, и жёнушку, и чадушку. Для мудреца, полагал Эпиктет, очень важно воспитать в себе чуткость к голосу Капитана, никогда не упускать из виду реальное положение вещей, не терять трезвости, не обольщаться праздничным сиянием уютной бухты.

Это принять непросто, но возможно. Куда труднее, если позовут не тебя, а твоего любимого «луковку»...

Павлику было 24 года, когда он оставил этот мир. Бывает, что мальчики способны на большее мужество, чем мужчины, а этот был из тех парней, которым – я уверен! – удалось запугать рак. Он сражался со своей болезнью с одиннадцати лет. Последние годы он почти не мог дышать самостоятельно, за него это делал какой-то человеколюбивый аппарат, – делился с Пашей кислородом, но не давал спать. Вот так: или спать, или дышать – иногда приходится делать и такой выбор.

Он умер у меня на глазах сразу после Причастия. Я ему горячо говорил что-то важное, но, видимо, такое бесцветное, что в моей памяти ничего не осталось. А вот его слова я не забыл. На последнем вздохе он почти выкрикнул:

- Я буду жить вечно!

В жизни не слышал более правдивых слов! Но ведь после этого наступила смерть, значит его слова вступают в противоречие с очевидным: он умер на самом деле и именно в тот момент, когда прозвучала эта фраза.

Паша обманул? Пашу обманули?

Кто посмел его обмануть? Родители? Батюшка? Бог?

Ясно, что Богу попадёт в любом случае, но даже самые глубокие размышления на эту тему рассыпаются прахом перед лицом родителей, которые кладут своё дитя в холодную сырую землю.

Что вы скажете людям, которые должны хоронить своих детей? А супруге, потерявшей мужа? А матери, узнавшей о неизлечимой болезни ребёнка?

Я до сих пор не знаю, как утешить человека в таком горе, да и возможно ли это утешение?

Горе подстерегает нас на каждом шагу, от него ни спастись, ни уберечься. Если боль пришла, от неё уже не спрячешься, не обманешь ни себя, ни беду. Но мудрые люди знали, что к этому можно подготовиться, не только можно, но и нужно сделать «прививку от горя». Только – где они, эти мудрые люди?

Кажется, благополучие нас окончательно опьянило, так что даже христиане потеряли благородный дар спокойного отношения к смерти, и это тревожный знак.

Христианин не нуждается в особой «прививке от горя». Если он христианин. Удивительно,

что нашего православного современника могут шокировать вещи, которые совершенно естественно встретить именно среди церковных людей, и об этом говорит не столько глубинное богословие, сколько сама атмосфера церковной жизни.

На воскресной всеоощной я всегда подпеваю хору, когда поются Непорочны. Это пасхальные стишки про путешествие жён-мироносиц ко гробу Спасителя. В каждом тропаре – про гроб, саван, погребение и мертвца, – но зато как весело поют! Это что-то невероятное!

Христианское отношение к смерти и горю совсем не философское, как может показаться. Не принято у нас погружаться мыслью в бренность бытия и превратности судьбы, хотя и это бывает крайне полезно. Вместо философской серьёзности – почти скоморошья весёлость, которая просто обезоруживает, оставляя недоумение в сердцах непосвящённых граждан.

Надо когда-нибудь написать отдельную книгу о гробах и нежном обращении с ними. Старичок Адольfovич никогда не закрывал входную дверь. Да к нему никто и не заходил: вся улица знала, что у деда в зале торжественно стоит вместительный гроб, выкрашенный кокетливой голубой краской. Если к гробу применимы эпитеты «веселый» и «озорной» – то это о таком славном произведении. Гроб – вещь в быту незаменимая, он обязан не только быть под рукой, но и радовать глаз.

Старенькая матушка Серафима жила на пятом этаже хрущёвки. Скромная старушка всем была хороша, но изводила соседей регулярным обновлением своего гроба, который держала под кроватью. Временами матушка примеривалась и находила, что гроб усыхал и был узок в плечах. Его торжественно «на весь подъезд» сбывали с рук и так же торжественно втаскивали наверх гроб «на вырост» к ужасу впечатлительных соседей.

В нашем женском монастыре представилась схимница Паисия. Умерла без спроса и невпопад. Мать Минодора только вернулась из города и читала над покойницей Псалтирь, успевая при этом мыть пол и ворчать на схимнице:

– Что это ни за работа! Пряязжаю сюды: полы не мытыя, бульба не варана, эта ляжыць!

Можно пускаться во всякие богословские глубины, но мне кажется, что у прежнего поколения христиан без всяких богословских штудий держалось здоровое и весёлое отношение

к лишениям и смерти, потому что Церковь лечит горе Пасхой, а она в каждой нашей службе, в каждой молитве, в каждом обряде.

Сидим в монастырской трапезе, едим пироги:
– Эх, только бы до антихриста не дожить!
– Не рви сердце!
– Как не рвать? Он же нас всех поубивает!
– И что? Через неделю опять воскреснем!

Это они так шутят? Нет, это они так разговаривают.

Откуда эта простота и весёлость? Видимо, от ощущения, что ты уже умер, а мёртвое не умирает. Об этом лучше всех сказал наш пасхальный богослов апостол Павел: *«Вы умерли, и жизнь ваша скрыта со Христом в Боге»* (*Кол 3:3*).

Если искать самое сильное духовное упражнение, если нужна «прививка от горя», для христианина нет более важной темы для жизни и размышления: мы уже умерли и живы навсегда жизнью Христовой!

То, что человек умер, не значит, что его нет. Быть однажды – быть навсегда.

– Это понятно, но столько смертей, и мы как христиане...

– Кто из нас мы и где из них я?

Потому что – вот стоят старичок Адольfovич и матушка Серафима и искренне не понимают: чего мы все так суетимся и паникуем? Мы все умрём!

Нашли чем удивить! Пожил, слава Богу, вот и помирай!

– Как вы так можете?

– Это не я, это старичок Адольfovич и матушка Серафима.

А сам я честно и самоотверженно боюсь. Хоть сам уже и умер (собственно, как и вы), но для порядка и ради приличия тоже суечусь и паникую. Ведь вокруг, действительно, очень много горя – было, есть и будет, – а наш самый главный христианский секрет не все могут понять и принять.

Перед пречистыми очами Божиими мы все уже умерли и воскресли, но ещё не родились. И я, и храбрый Паша, и схимник Макарий – нет, не были, а вечно есть.

Пока Бог смотрит на нас, мы живы.

Пока Бог любит нас, мы есть.

Впечатлений слишком много, чем же наполнить себя?

Архимандрит Савва (Мажуко) – о том, как освободить место для главного

В нашем мире есть книги и цветное телевидение, интернет и мобильные телефоны. Все эти технологии мне и вам по душе. Но впечатлений слишком много! И если спрашивать мою душу, она, возможно, вот так же закричит, пытаясь защититься от избытка образов, сведений и звуков. И тут же радостно и мучительно набросится на новый ролик в интернете, смешную картинку, забавную историю, свежую сплетню, срочную новость, от которой «содрогнулся весь мир».

Знатоки утверждают, что первые три дня после смерти можно будет путешествовать – лети, куда душе угодно! Мечтали вы, скажем, побывать в Париже, но не довелось, можете смело планировать на смерть, чтобы не отвлекаться от прижизненных забот.

Хотя покойный Платон не был столь оптимистичен. Он полагал, что чем сильнее душа привязывается к телу, тем больше она прибавляет в весе, тяжелеет, становится неповоротливой, и тут уже не до душевных полетов. От общения с плотью дух оплотняется, дебелеет и, выбравшись со смертью из тела, не то что летает, но двигается с трудом, и вынужден бродить угремо среди могил и надгробий (Федон 81d-e).

Что кладбища полны привидений, известно даже ребёнку, но бояться их не стоит: эти призраки вас не догонят, у них самих одышка. Проблема ожирения у привидений до сих пор не решена.

Поневоле задумаешься: каким призраком стану я? Оказывается, даже в очень стройном теле может обитать дух с целлюлитом, а в благодушном толстячке душа с повышенной летучестью. Из одного тела душа легко метнется в небеса, из другого вывалится с глухим грохотом, как мешок картошки.

Полнеют души не только от пристрастия к телесным удовольствиям. Не пироги и ватрушки повинны в избыточном весе! Они сами первые жертвы! Они невинны, как

весенние цветы! Видимо, так устроен человек, что тело иногда принимает на себя избыток того, чем переполнена душа.

Однажды врач спросил пациентку:

– Чем вы наполнены?

Девушка неожиданно для себя ответила:

– Обидой и злостью!

Ответ, над которым задумаешься. И мысль поведёт в предельную глубину личной истории, куда и самому забираться страшно и нужен опытный и деликатный проводник, который бы помог облегчить душу.

А что бы ответил я? Чем я наполнен?

С недавнего времени я практикую одно необычное, но крайне полезное духовное упражнение: сажусь в кресло и сижу, просто сижу. Если вечер, даже не включаю свет. Не читаю книг, не слушаю музыку, не перебираю чётки, не думаю о планах, не размышляю – просто сижу-посиживаю в тишине и мраке. Всё от того, что я тоже наполнен и даже переполнен. Нет, не обидой и злостью, для этого я слишком ленив. Впечатлениями – вот чем забита моя душа, вот от чего полнеет мой перекормленный призрак.

Мне кажется, что христиане XXI столетия столкнулись с духовной проблемой, о которой не подозревали подвижники прошлого. Святому Арсению мешал молиться шум тростника, преподобный Антоний не выносил мелькания лиц, оптинские старцы советовали не увлекаться журналами и газетами.

В романе «Преступление и наказание» великий юморист Достоевский передаёт разговор двух работников, которые делают ремонт на квартире процентщицы. Старший рассказывает пареньку о своей возлюбленной:

«– А уж как разодета: журнал, просто журнал!

– А что это, дядьшка, журнал? – спросил молодой. Он, очевидно, поучался у “дядьшки”.

– А журнал, это есть, братец ты мой, такие

картинки, крашеные, и идут они сюда к здешним портным каждую субботу, по почте, из-за границы, с тем то есть, как кому одеваться, как мужскому, равномерно и женскому полу. Рисунок, значит. Мужской пол всё больше в бекешах пишется, а уж по женскому отделению такие, брат, суфлеры, что отдав ты мне всё, да и мало!»

Насколько другими были люди XIX века, можно себе представить, заметив, что они никогда не смотрели кино, редко видели фотографии, и даже цветные журналы, при всей их простоте, были большой редкостью. Как иначе эти люди воспринимали мир, и как сильно от них отличаюсь я, который десяток раз видел гибель Нью-Йорка и неоднократно следил за развитием зомби-апокалипсиса!

Но я пришёл в мир, в котором уже были цветные фильмы, телевидение, а потом появился интернет и мобильные телефоны. И это очень хороший мир, лучшее время для меня, которое идеально мне подходит, и все наши технические достижения мне по душе. Или лучше об этом спросить саму душу?

Иван Бунин в «Окайных днях» рассказывает о банкете, устроенном в 1918 году для деятелей искусства. Хмель революции так действовал на людей, что даже в таком приличном собрании позволялись самые невероятные для образованного общества вещи. В разгар этой вакханалии один престарелый финский художник, до глубины души потрясенный избытком происходящего свинства, неожиданно для всех со слезами на глазах стал кричать одно из немногих слов, известных ему по-русски: «Много! Мно-о-го! Мнооого!»

Если спрашивать мою душу, она, возможно, вот так же закричит, пытаясь защититься от избытка образов, сведений и звуков. И тут же радостно и мучительно набросится на новый ролик в интернете, смешную картинку, забавную историю, свежую сплетню, срочную новость, от которой «содрогнулся весь мир».

Мы и жертвы, и палачи. Мы добровольно самоубиваемся. Душе и уму нужна пища, но «усилители вкуса и запаха» сбили все природные настройки. От избытка этой пищи душа не просто пухнет, она стареет. Возможно, с этим в том числе связана пассивность и

преждевременная усталость молодых и крепких людей, которые от избытка впечатлений теряют саму возможность желать.

Избыток информации, особенно зрительной, как мне кажется, что-то сильно изменил в человеке. Возможно, пройдут годы, и учёные обнаружат необратимость некоторых процессов и, наконец, расскажут, что это было. Но я просто священник, и для меня важно понять, как возможна молитва и богомысле при таких эмоциональных нагрузках и информационной избыточности?

Пост – время духовных упражнений, время задавать вопросы.

Кто такой Христос?

Кто Он для меня?

Кто я Ему?

Эти вопросы могут прозвучать только в самой глубине молитвы и тишины, а бывает ли со мной такое – чтобы я оказался в тишине безмолвной молитвы? Какая может быть молитва и тишина, если моя душа так перекормлена впечатлениями, что в неё уже ничего просто не помещается. Вы ищете место для Бога, а его нет даже для самого близкого человека – всё нагло забито безразмерными сюжетами и образами, избыточно яркими и почти невозможными для усвоения.

Даже если вы позволяете себе такие мгновения созерцания, впечатления, накопленные за день, за неделю, за жизнь – жадно собранные и не усвоенные – снова всплывают в памяти и, похоже, зрительные образы вообще никогда не забываются, а это значит, что однажды придётся взять на себя контроль за этим потоком «жирной пищи» и научиться убегать не только от обиды, злобы и зависти, но и от, казалось бы, безобидных вещей: фильмов, пёстрых картинок, выпусков новостей. Не отказаться, а стать разборчивым и привередливым.

Разумные люди следят за тем, чем они кормят своё тело. Пища должна быть здоровой и достаточной. Годы наблюдений подсказывают, что есть продукты, которые категорически нельзя именно мне, хотя они совершенно безвредны для другого человека.

В области эмоций и впечатлений всё обстоит

подобным образом. Душа тоже нуждается в персональной диете. Какой? На это ответить может только сам человек, если он достаточно честен и внимателен. И без этой диеты нам уже не обойтись.

Ищешь Христа – освободи для Него место! Чем я наполнен? Чем насыщена моя память? Что в самой сердцевине моей жизни?

В четвертом псалме читаю горькие и правдивые строки: «*Сынове человечествии! Доколе тяжкосердии? Вскую любите суету и ищете лжи?*»

«Тяжкосердые» в греческом тексте – *βαρυκάρδιοι* – читается, словно название болезни: «барюкардия», «тяжкосердие». А любовь к суете здесь передаётся святым глаголом *ἀγαπᾶσθαι* – не просто любовь, а самая

преданная и возвышенная, что тем более обидно, поскольку это любовь к пустому, к тщетному, к суете – *ματαίότης* – это слово даже звучит так выразительно, словно страсть к впечатлениям мотает человека из стороны в сторону, крутит, бросает, разочаровывает, потому что пустотой пустоту не заполнишь, суетой не наешься никогда досыта.

Поле духовной брани для современного христианина несколько изменилось: другие техники ведения войны, новые виды вооружений. И хоть звучит всё это старомодно, а мы уже давно «осознанные и продвинутые», но душа по-прежнему в цене, а значит, есть чего терять и есть за что бороться.

www.pravmir.ru

Утраты. Но нас любят, и это придаёт сил

Архимандрит Савва Мажуко – об испытаниях и любви Бога к каждому из нас

Самая большая трудность для православного человека – говорить про Христа. Не хватает слов. Иссякает вдохновение. Гаснет взгляд.

Ещё минуту назад с «пионерским» задором рассказывал про старца Паисия, о древностях Афона, к месту вспомнил о мироточивых иконах, и вдруг грубо оборвали:

– Расскажи про Иисуса!

А что про Него скажешь? И с шумным вздохом: «Распятого же за ны при Понтийском Пилате, и страдавша, и погребенна...».

Всё уже тысячу раз проговорено и перепето: о различии двух природ и одной ипостаси, споры с монофизитами, происки монофелиотов и коварство несториан. Тема различия природы и энергии добавила бы энтузиазма, но лучше посоветовать последнюю книгу одного голландского теолога, где этот вопрос удачно представлен на языке Хайдеггера.

Господи! Простишь ли Ты нас за то, что мы всякий раз отводим для Тебя самое скучное место на земле? Целые водопады почтенных слов густым и липким пеплом старательно

засыпают живой огонь Евангелия! А ведь там всё так просто!

– Что выбрать: 800-страничный трактат по христологии или самый короткий стих в Евангелии?

– Самый коротенький стих? Нам бы это подошло!

– Записывай: от Иоанна, глава 11, стих 35: *ἐδάκρυσεν ὁ Ἰησοῦς – Иисус прослезился.*

Только три слова. Вернее, два слова и artikelъ, подлежащее и сказуемое. Стихи короче в Новом Завете не найти. Но столько силы и веса в этой строчке, что все академии богословов перед ней – легче пушинки!

Был у Бога друг

Дело было весной, и совсем скоро должны были произойти самые удивительные события в мире. Даже воздухе Иудеи и Галилеи было разлито такое тревожное предчувствие, что люди просто замирали и пытливо оглядывались

в ожидании чего-то необыкновенного. Всё земное казалось банальным и незначительным, от неба ждали знаков, знамений или торжественного звука архангельской трубы.

А Христос с учениками скитался по окраинным городкам и весям, и апостолы ловили каждое слово Учителя и настроены были до того величественно, что известие о смерти Лазаря несколько надорвало общий величественный настрой.

– Пойдём и мы умрём с ним! – торжественно сказал, вернее, изрёк апостол Фома.

Но Иисус ему ничего не ответил.

Четвёртый день после похорон, а они всё плачут! И полный дом друзей, которые пришли утешать.

Евангелист так спокойно пишет: «*многие пришли утешать их в печали о брате их*». А как это – утешать? Можно ли вообще утешить человека? Сколько ни размышляй о неизбежном, сколько ни готовься – не помогает.

Вот гроб. А в нём лежит тот, кто для тебя дороже всего. И только сейчас ты вдруг понимаешь, как же он был дорог и как ты любишь этого человека, почему-то только сейчас. Как тут можно утешить? Разве есть такие слова?

Если даже Иисус не нашел подходящих слов.

Марфа встречает Его с неумело скрытым укором:

– Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог.

Иисус отвечает:

– Воскреснет брат твой.
– Знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день.

– Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрёт вовек. Веришь ли сему?

– Так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир.

А затем Иисус приходит в дом покойного и снова слышит знакомый упрёк. Теперь уже от другой сестры, Марии. Те же слова. Видимо, сёстры между собой уже определили виновного:

– Господи! Если бы Ты был здесь, не умер

бы брат мой.

Бога упрекают в смерти. Когда кто-то умирает, Богу попадает больше всех.

Современный человек сказал бы чуть откровеннее:

– Господи! если бы Ты был, не умер бы брат мой. Если бы Ты был, Ты бы тогда узнал, что такое хоронить друга.

Но именно там, в Вифании, Христос хоронил друга. Он Сам его так называл: «*Лазарь, друг (φίλος) наш, уснул*» (*Ин 11:11*). Иисус стоял у гроба своего друга не как величественный пророк, а как человек, которому бесконечно грустно и так плохо, что евангелист описывает состояние скорбящего Друга редким глаголом ἐμβριάμαται. Проговорите его своими русскими устами: «эмбримаомай», «эмбримаомай» – словно рокот в груди, гул горя и угрозы. У этого слова несколько значений: скорбеть, волноваться, рычать, реветь, строго приказать.

Когда Спаситель исцелил двух слепцов, Он строго приказал им, чтобы они никому об этом не говорили — ἐμβριάμαται (*Мф 9:30*). Тот же глагол взял евангелист Марк, чтобы передать строгий наказ Христа, чтобы исцелившийся от проказы никому об этом не сообщал — ἐμβριάμαται (*Мк 1:43*). А вот негодующие рычат на женщину, омывшую Иисусу ноги миром, за трату дорогого масла – ἐμβριάμαται (*Мк 14:5*).

В истории воскрешения Лазаря этот глагол встречается дважды и русский перевод здесь предельно деликатен. Подойдя к могиле друга, Иисус «возмущился духом» (*Ин 11:38*), хотя точнее было бы сказать, что Он стонал от горя. Чуть раньше этот глагол звучит с важным дополнением: увидев плачущих сестёр Христос восскорбел духом и возмущился (*Ин 11:33*). «Восскорбел духом» – это рокот стона в груди, а возмущился или развелновался – глагол ταράσσω, который буквально значит, что Иисуса просто трясло от горя и слез: ἑδάκρυσεν ὁ Ἰησοῦς – *Иисус прослезился* (*Ин 11:35*).

История воскрешения Лазаря – невероятное чудо, которое, однако, ломает все жанры религиозной литературы. Так не может быть, не должно быть. Всемогущий чудотворец, к тому

же Творец этого мира обязан «держать марку», показать большее величие и пренебрежение к боли и страданию. Его жесты должны быть более величавыми и царственными, а слова – чеканными и монолитными, чтобы войти в историю с триумфом неодолимой власти и могущества.

Но Христос не может послужить даже образцом утешения. А пастырю, особенно священнику, который каждый день сталкивается со смертями, очень нужен такой образец.

Христос не утешает. Потому что в смерти невозможна утешение. Нет таких слов. Очень хочется найти эти слова или идеи, но всё рассыпается, когда ты лицом к лицу стоишь перед смертью близкого человека.

А вокруг так много смертей, и время от времени каждый взрослый человек неожиданно кожей чувствует, что сегодня смерть прошла слишком близко. Она никуда и не уходит, просто совершает свои магические обороты вокруг меня уже много лет, но с каждым годом эти круги сужаются.

Год без цифры

В 2019 году я не мог и подумать, каким будет две тысячи двадцатый. Многих так напугал этот год, что они боятся писать его цифрами. Столько смертей и трагедий!

Мудрые люди приняли это спокойно: они никогда и не доверяли нашему недавнему благополучию и всегда помнили, что люди смертны. Мы приходим сюда не одни, а целым поколением, и когда приходит наш час, мы так же и уходим – своим поколением, не сразу, но каждый в свой срок, и потому мудрого человека никогда не волновал модный мнимо-трогательный всхлип: «Смерть – дело одинокое!» Нет! Поколением мы пришли, поколением и уходим. Если все наши уже там, что мне здесь делать?

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова пережила мужа на 55 лет. Она была долгожителем, прожила почти сто лет, но часто

повторяла: «Мне стыдно жить!», имея в виду, что все её друзья и близкие, её поколение, уже там, и ей неприлично тут задерживаться.

Великий прозорливец Александр Сергеевич Пушкин, будучи молодым человеком, уже сочувствовал тому из своих однокурсников по Лицею, который проживёт дольше всех – не завидовал, а сочувствовал:

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

Потому что люди умирают поколениями. Но от этого не легче.

Осенью две тысячи двадцатого умерла моя тётя Анна Михайловна. Мы называли её Нюша за легкий характер и ежеминутную готовность рассмеяться. У неё неожиданно поднялась температура, она задыхалась, и уже не смогли её спасти. Все вокруг болели, но никому и в голову бы не пришло, что наша Нюша вдруг убежит на ручки в Доброму Богу. Ведь она так любила жить, и я предположу, что она сама дала Богу согласие на уход, потому что не хотела стать старушкой.

Она похоронила родителей, сестру, старшего брата, и многие из её друзей и близких лежат в земле. Наверное, человеку проще умирать, когда он знает, что на том свете его ждут любимые – не только те, кого он любит, но и куда важнее, – те, кто любят его.

Я молился за Нюшу и думал: есть ли на том свете люди, которые любят меня? Кто там готов принять меня? Кто там меня ждёт? Там кто-нибудь меня ждёт? Был фильм про мальчика, которого не смогли вылечить, и он медленно умирал, а младший братишко всё утешал его: «Не бойся! Там все захотят дружить с тобой!»

Кто на том свете захочет дружить со мной?
Кто меня любит, именно меня, а не мой образ?

Для христианина должно быть достаточно одного ответа: «Бог любит тебя!»

Должно быть достаточно. А мне достаточно?

Почему я не в состоянии пережить всю силу этой потрясающей истины? Бог любит меня!

У нормального человека от этой вести должно всё внутри перевернуться!

Должно. У нормального.

Меня не трогает.

Я холоден.

Может быть, я вовсе и не христианин?

Разве не с этого начинается христианство, с открытия, что *Бог меня любит*?

Если честно: я знаю, неколебимо знаю, что Бог любит меня.

Дело в другом: верю ли я, что Бог меня любит?

Когда Господь утешал скорбящую Марфу, Он ей просто сказал: «твой брат воскреснет», и Марфа торопливо перебила: «знаю, что воскреснет». Знаю — и про воскресение, и про искупление, и догмат Троицы разобран по работам классиков, но Христу этого мало, и Он переспрашивает: «веришь ли, что брат воскреснет?»

Спор веры и знания идёт не между светской наукой и духовными академиями, он внутри каждого христианского сердца. И дело не в психологическом зажиме, хотя и это тоже имеет есть – неспособность поверить, что тебя кто-то по-настоящему может любить. Эти раны залечить проще, чем поверить в любовь Божию, открыться ей.

Христианство зиждется не на христианской благотворительности и братолюбии, хотя это бесконечно важно. Основа христианства не в том, что мы любим Бога, а в том, что Бог любит нас. Эту истину нельзя просто сообщить, нельзя в этом уведомить, потому что эта любовь, по словам апостола Павла, превосходит разумение (*Еф 3:19*).

Откровение о любви Бога – это дар. Любовь Божию нельзя в себе «выработать», доведя себя экзальтацией до состояния «божественной любви». Любовь Божия – дар, откровение, которому можно открыться, но пережить его можно только Духом Святым – что, конечно же, обычному человеку ничего не объясняет, но может направить христианина, который разрешит себе труд размышлений над важнейшими словами апостола Павла: «любовь

Божия излилась в сердца ваши Духом Святым» (*Рим 5:5*). Пережить откровение Божией любви можно только Духом Святым, это дар Святого Духа, а если дар, то я не вправе его требовать или претендовать на него.

И это все о нас

Знать о любви Бога – не значит верить в любовь Бога. Мы не можем претендовать на этот дар, но можем наблюдать, как это откровение о любви Божией, побеждающей не только страх смерти, но и ужас страдания, Христос открывал в Своих учениках.

Евангелиста Иоанна Богослова не случайно называют апостолом любви, и именно в его текстах тончайшие оттенки этого опыта проявлены с предельной аккуратностью.

Вот Иисусу сообщают о болезни Лазаря: *«Господи! вот, кого Ты любишь, болен»* (*Ин 11:3*). И мы сразу видим глагол «любить», который передается греческим φιλέω – слово почтенное, но применимое, скорее, к опыту дружбы, приятельской привязанности, так что евангелист тут же поправляет: *«Иисус же любил Марфу, и сестру её, и Лазаря»* (*Ин 11:5*).

А здесь уже другой глагол – ἀγαπάω – значит речь идет об опыте более глубоком и возвышенном одновременно.

Марфа и Мария знали о любви Божией к ним, но они и представить не могли, как велика эта любовь. Так и мы даже не разрешаем себе мысли, что Бог может так нас любить. Более того, мы не догадываемся не только о том, как Бог любит нас, но и о том, как мы любим Бога.

Последнюю главу евангелия от Иоанна лучше читать по-гречески, потому что там именно об этом. Христос приглашает апостолов разделить с Ним трапезу на берегу моря и вдруг задает Петру самый неожиданный вопрос: любишь ли ты Меня?

Даже читателя заражает смущение апостола. Пётр подтверждает: конечно, люблю – это не обсуждается! Но текст оригинала передает важнейший оттенок разговора: Иисус спрашивает о любви, используя глагол ἀγαπάω,

но для Петра это слишком возвышенное слово, и он трижды отвечает дружеским филео. Петру уже открылась превосходящая разумение любовь Божия, но ему ещё предстоит узнать о своей любви к Богу, такой сильной и прекрасной, о которой он даже не помышляет, любви даже до смерти – вот почему в финале этого диалога есть упоминание о мученической кончине Петра.

Для евангелиста Иоанна откровение о любви Иисуса – самый центр его христианской жизни, вот почему он так настойчиво говорит о себе как об ученике, которого любит Иисус. Может показаться, что этим он противопоставляет себя другим ученикам, особенно Петру, ведь в фразе «ученик, егоже любляше Иисус» «защит» глагол ἀγαπάω – Иоанну уже дано это откровение, и тем, что ему было позволено на Тайной Вечери положить свою голову на плечо Иисуса, он подчеркивает не свою исключительность, но призывает и других учеников открыться этому дару.

В конце прошлого века во Франции скончался отец Андре Фестюжье. Он был не просто пастырем, но и большим ученым, знатоком античности. Многих волновал вопрос:

как этот образованнейший человек, выросший в абсолютно светской семье, однажды стал священником. И отец Андре рассказывал историю о том, как он случайно зашёл в церковь и вдруг стал верующим.

– Было какое-то чудо? Или вас убедил батюшка?

– Нет. Церковь была пустой. Но я неожиданно почувствовал, что любят, меня любят! Бог меня любит!

Такое странное слово – любовь. Такое важное, и такое тесное. Столько в него хочется вместить, столько им хочется сказать, а выходит не так значительно и полновесно, как хотелось бы. С этого слова начинается христианство и к нему возвращается, и никакого нет утешения и лекарства от смерти, кроме это тесного слова.

В конце жизни отец Андре повторял, что у него теперь только одна мечта: положить голову на плечо Иисуса.

А может и не надо этих слов – тесных или безразмерных, – если Бог может скорбеть и плакать, любить и сочувствовать, а человеку всего-то и нужно – положить голову на плечо Любящего и Любимого?

www.pravmir.ru

Кто хочет быть первым, будь всем слугою

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Вникните в эти слова Христовы, навсегда их запомните: Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (Мк. 9:35).

В человеческой жизни так не бывает. Чтобы быть первым, не поступают так, как говорит Господь Иисус Христос; другим не служат; ищут, чтобы им служили. Господь говорил не о первенстве среди людей, первенстве земном. Он говорил о тех, кто хочет быть первым в глазах Божиих, но не в глазах человеческих. Им

говорится, что они должны быть последними, а не первыми – должны всем служить. Это рассуждение не человеческое. Как видите, ставится требование совсем особенное, неведомое миру: быть последним, быть всем слугой – того называет Господь первым в очах Божиих.

Трудно ли это исполнить? Нет, несравненно легче, чем быть первым среди людей, чем стать первым в глазах человеческих. Чтобы

стать первым в глазах человеческих, нужно добиться влияния, добиться власти, добиться богатства. Здесь ничего этого не требуется: будь всем слугой, тогда будешь первым в очах Божиих. Это совсем не трудно, только будь смирен духом и прост. Невозможно это для тех, которые полны гордости и превозношения.

Кто способен быть слугою всем, исполнить эту заповедь Христову? Только добрые, тихие, очень скромные люди, ничего не желающие от людей. Такие всем служат, никогда не добиваются первенства, а желают быть последними. Таких незаметных, тихих, бедных, иногда даже презираемых людей много-много среди христиан. Бывают такими простые старушки, бедные женщины, бедные старички. Они не помышляют о первенстве, не добиваются уважения и чести в глазах людских, а только тихо и незаметно делают своё великое дело, которое требует Господь Иисус Христос.

Есть много-много самых незначительных, самых малых людей, которые исполняют эту заповедь Христову. Никому не ведомые, никем не замечаемые, они творят это святое дело — служат всем, чем могут: каждого стараются обласкать, каждому услужить, каждому что-нибудь сделать нужное; стараются утешить хорошим, добрым словом. У них есть живая, постоянная потребность всем служить, ибо всех они любят, всех жалеют.

Эта любовь, эта жалость делают их исполнителями сей великой Христовой заповеди. Они даже не осознают, не замечают того, что творят; не придают никакого значения этим малым услугам. Не думают, что это может быть велико и свято в очах Божиих, не думают, что эту заповедь Христову исполняют; желают только быть последними, желают только всех обласкать, всем доброе слово сказать. Такие неведомые для людей являются первыми в очах Божиих.

Видите, как это велико. В Деяниях Апостольских есть прекрасное место: Пётр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый. И был человек, хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм. Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни. Пётр с Иоанном,

всмотревшись в него, сказали: «Взгляни на нас». И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь. Но Пётр сказал: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи». И, взяv его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колени, и вскочив, стал, и начал ходить, и вошёл с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога (Деян. 3:1-8).

Зачем же сказал апостол Пётр: Взгляни на нас? Ему нужно было посмотреть в его глаза. Он был, конечно, прозорлив, ведал сердца человеческие и по глазам видел сердце человека. Ему нужно было увидеть, верует ли этот человек, способен ли получить чудесное исцеление. Тот пристально смотрит на апостола, надеясь что-либо получить. И вот Пётр исцеляет его во имя Христово.

Эти слова запомните: Серебра и золота нет у меня, а что имею, то даю тебе. Не думайте, что благотворить можно только деньгами, серебром и золотом, что только богатые могут исполнять заповедь о милосердии, о подаянии. Святой апостол Пётр научил нас, что, и не имея ничего ценного, можно дать чрезвычайно много. Каждый может дать людям чрезвычайно много, не имея денег, если в сердце имеет святую любовь, сострадание, жалость и милосердие. Можем пожалеть человека, чем-нибудь усLужить ему, сделать одно из малых дел, о котором мы говорили. Можно добрым словом смягчить ожесточённое сердце ближнего своего, множеством самых простых дел помочь ему, позаботиться о нем, усLужить ему.

Такого великого дара, какой получил несчастный калека от апостола Петра, нет у нас, но каждый из христиан может сказать доброе слово ближнему своему; каждый может усLужить ближнему своему. Исполняйте эту святую заповедь, и будете первыми в глазах Божиих!

Аминь.

21 декабря 1946 г.

Сборник проповедей
«СпешиТЕ идти за Христом»

Первое воскресение Великого поста. Праздник Торжества Православия

*Мы продолжаем публикацию бесед Эдуарда Качана с детьми из серии
«Богдан и его семья (воскресная школа)»*

В тот день Богдан листал церковный календарь.

– О, пап! – сказал он отцу. – Какое странное название у праздника – Торжество Православия! Празднуется в первое воскресение Великого поста.

– А что странного? – не понял папа.

– Торжество Православия – это Пасха! – сказал убеждённо Богдан. – Христос ведь воскрес! А значит – христианство и так восторжествовало над всеми другими религиями!

– Воскресение Христово действительно доказывает, что именно христианство и есть правильная, истинная религия, – сказал папа. – Но праздник Торжества Православия установлен в честь торжества не над другими религиями, а в честь торжества над ерёсами! Вот ведь какая штука, сынок – еретики тоже называли себя христианами! Праздник Торжества Православия установлен в честь того, что православие – есть более полное, более правильное, более истинное христианство, чем «христианство» ариан, «христианство» несториан, «христианство» иконоборцев. Понятно, сынок?

– Понятно, – сказал Богдан, но по его тону папа понял, что объяснил сыну не всё.

– Сынок, у тебя есть любимая фраза в Библии? – спросил он. – Какое-то любимое предложение?

– Я всю Библию люблю, – сказал Богдан неуверенно.

– Так не бывает, – сказал папа. – Вся Библия очень ценна для нас, но все мы разные, и потому какие-то слова Писания радуют нас, а какие-то оставляют равнодушными. Вот, к примеру, – папа открыл Библию. – Открываем книгу «Паралипоменон». Это – хроники, очень нужные для понимания других мест Писания, но, как любые хроники, не слишком интересные. «В Гаваоне жили: отец гаваонитян, имя жены его Маха, – начал читать папа. – И сын его, первенец Авдон, за ним Цур, Кис, Ваал, Наддав, Гедор...» (1 Пар. 8, 29-30).

– Ладно, я понял! – оборвал папу Богдан.

– Конечно, хроники не очень интересны. Я больше всего люблю слова Господа, которыми заканчивается Евангелие от Матфея.

– «И се, Я с вами во все дни до скончания века!» (Мф. 28, 20) – сказал папа по памяти. – Хорошие слова, и они означают, что Господь не бывает неверным нам, не смотря на то, что мы, люди, частенько оказываемся неверны Ему! Господь никогда не бросит нас, Своих учеников, Свою Церковь! Но я больше всего люблю слова из «Первого послания к Тимофею»: «И беспрекословно – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3, 16). На мой взгляд, это – самая радостная весть Писания – Тот, Кто Сотворил нас, стал Человеком, стал одним из нас, чтобы мы могли в вечности быть с Ним! И ты знаешь, все ереси, все секты родились, когда люди пытались поставить под сомнение именно это, именно факт того, что Бог действительно Стал Человеком!

– Все? – уточнил Богдан.

Папа улыбнулся.

– Ну, это я, пожалуй, преувеличил, – сказал он. – Были секты, родившиеся на библейской почве, но тайна Богооплощения им была не очень интересна. Например, веке то ли в 18-м, то ли в 19-м в России появилась секта «прыгунов». Они на своих «богослужениях» прыгали и плясали, а не молились, как молимся мы. На изумлённый вопрос, зачем они это делают, «прыгуны» отвечали, что царь Давид плясал перед Ковчегом Завета и Бог не вменил ему это во грех. Насколько мне известно, «прыгуны» трактатов о Богооплощении Христа не писали – ни правильных, ни еретических.

– А Давид действительно плясал перед Ковчегом Завета? – уточнил Богдан.

– Да, был такой случай (2 Цар. 6, 16), – сказал папа. – И Господь действительно не вменил этого Давиду во грех. Наверное, для «прыгунов» этот факт значил больше, чем для тебя и для меня, но, все-таки, это не основание, чтобы провозглашать новую религию!

– А что было с этими «прыгунами» дальше? – спросил Богдан.

– То, что с большинством сект – попрыгали немного, да и сгинули. И только книги по истории Церкви хранят память о них, – сказал папа. – Но я, собственно, не о «прыгунах» говорить хотел. Все серьёзные, значимые, «большие» ереси, которые потрясали церковную жизнь – все они нападали именно на тайну Богооплощения, сынок. Для них почему-то было не приемлемо то, что Бог стал Человеком на самом деле! Поэтому некоторые еретики утверждали, что Христос – не Бог, ну, или – не совсем Бог.

– Как это – не совсем Бог? – не понял Богдан.

– Я и сам это не очень понимаю, – сказал папа. – Но так утверждали еретики ариане. Они говорили, что Христос «подобносущен» Отцу – то есть просто похож. Но на Первом и Втором Вселенских Соборах Церковь отвергла такую идею! Апостолы считали Христа Истинным Богом (1 Ин. 5, 20; Рим. 9, 5; Ин. 1, 1; Ин. 10, 30 и многое другое), значит – и мы, их последователи, должны относиться ко Христу как к Истинному Богу, а не просто «похожему»! Потом, сынок, было много других ересей, которые утверждали, что Христос – да, Бог, но не Человек! Или – не совсем Человек!

– Как это – не человек? – не понял Богдан. – А кто тогда? И как это – «не совсем человек»?

– Еретики первого века «докеты» говорили, что Христос не стал Человеком, а просто казался человеком, – ответил папа. – Само название «докеты» происходит от греческого «докео» – «кажусь». Это было еще во времена апостолов, и апостолы в своих посланиях много писали о том, что Христос – действительно Человек, истинный Человек! Потом докеты сгинули в веках, но новые ереси все появлялись и появлялись. Одни еретики говорили, что у Христа нет человеческого ума (а есть только Божественный ум), другие – что у Него нет человеческой воли (а есть только воля Божественная). Но Церковь отвергала эти попытки умалить человечность во Христе! Собор за Собором утверждали вновь и вновь – Христос Истинный Бог и Истинный Человек, Во всем Бог и во всем Человек. У Него есть все, что и у нас, других людей. Нет во Христе только греха (1 Петр. 2, 22).

– Это долго продолжалось? – спросил Богдан.

– Я имею в виду, эти споры?

– Несколько веков, – сказал папа. – Последней

крупной ересью была ересь иконоборцев, которая терзала Церковь в восьмом веке. Но Православие восторжествовало и здесь – отцы Церкви того времени обосновали и доказали – если Бог действительно стал Человеком и действительно имел человеческое Тело, то это Тело можно изображать на иконах! В ветхозаветные времена был запрет на изображения, и он был понятен. Тогда Господь еще не облекся в человеческую плоть, а где нет плоти, там и изображение невозможно! Что не нарисуй – все равно ошибешься! Но в Новозаветные времена все стало по-другому. Человеческую плоть Христа видели тысячи людей, и потому её можно изображать без ошибок!

– Да, конечно, – согласился Богдан.

– Победой над иконоборцами завершилась эпоха Вселенских Соборов, – сказал папа. – Православие доказало свою правоту. После завершения Седьмого Вселенского Собора, 18 февраля 843 года, состоялось особое торжество. Патриарх Константинопольский Мефодий установил праздничное Богослужение – так появился особый чин, который и называют «Чин Торжества Православия». Мы празднуем победу Православия над ересями и расколами, сынок! По сути, мы празднуем то, что правильное, православное, апостольское понимание христианства восторжествовало над ложными пониманиями!

– Пап, а о чем принято молиться в этот день?

– спросил Богдан. – Чтобы все люди стали православными?

– Это хорошая молитва, сынок, – сказал папа.

– Но не нужно забывать и о том, что и древние еретики были людьми, и они по своему любили Христа, просто они сбились с пути. Нужно молить Господа, чтобы Он не допустил и нам сбиться с пути так же, как сбились те бедняги! Есть еретики и сейчас, сынок! Например – иеговисты, которые напоминают древних ариан. Как видишь – люди и сейчас сбиваются с пути... Нужно молиться о их обращении в Православие, а так же о том, чтобы и нас, слабых и грешных, не постигла похожая беда! Нужно просить Господа даровать нам самим правильное понимание Православия, и правильную жизнь, достойную Церкви Христовой! В общем, сынок, – главное, чтобы Православие восторжествовало в каждом из нас!

Летний скаутский лагерь в Рунке

О том, каким выдался 2020 год в связи с пандемией, рассказывать, наверное, не надо. Мы даже толком не знали, будет ли лагерь вообще или нет. Но, тем не менее, готовились. Подготовка к ежегодному скаутскому лагерю в этом году заняла намного больше времени, чем обычно. Прежде всего, потому, что проводить его нам пришлось только своими силами, без мельбурнцев и сиднейцев. Кроме того, желающих ребят набралось больше, чем в прошлом году, а лагерное место, хотя и не было для нас новым, но летние лагеря мы в нём ещё не проводили. Чтобы было понятно: в лагерном месте Woodhouse, где мы 2 раза были летом в прежние годы, температура обычно на 3 градуса ниже, чем в Аделаиде, а в Рунке, куда нам предстояло поехать – на 3 градуса

выше. Но, так или иначе, мы приняли решение провести лагерь с 15 по 22 января в лагерном месте под названием Рунка, принадлежащем австралийским скаутам, на берегу реки Муррей, где уже были неоднократно, и ребятам очень понравилось это живописное место.

В этом году лагерная программа отличалась насыщенностью и интенсивностью. Мы назвали этот лагерь «Космос», сделав темой лагеря 60-летие полёта Юрия Гагарина. Старшая разведчица Полина Брукс подготовила для ребят беседу на тему освоения космического пространства, в лагере сами ребята (Полина Брукс и Даниил Колесник) изготовили лагерные значки, которые ребята получили в последний день. Впрочем, обо всём по порядку.

Мы прибыли в лагерь во второй половине

дня в пятницу и сразу занялись обустройством лагеря. Наши опытные скауты порадовали своих руководителей навыками по установке палаток, а также помогли тем, кто приехал в лагерь впервые.

Первое утро, как и последующие, за исключением, пожалуй, лишь дня отъезда в пятницу следующей недели, начиналось с подъёма и зарядки, затем умывание, смотр палаток, подъём флага и завтрак. Затем занятия с перерывом на фрукты, обед, отдых и либо игры, либо купание.

Спуск флага, как и костёр, были прекрасным завершением насыщенного дня. Приятным сюрпризом для нас оказалось то, что, несмотря на строгие ограничения пожарного сезона, в некоторые дни мы могли разводить настоящий костёр. По старому обычно мы пели песни под гитару, ребята ставили точки. Теперь у каждого разведчика появилась новая любимая песня, которая будет напоминать ему о времени, проведённом в лагере.

В один из вечеров мы провели ночную игру. Погода этим летом нас порадовала не очень жаркой температурой, и ребятам было не утомительно участвовать во всех запланированных мероприятиях и играх, готовиться к сдаче разрядов и ловить рыбу.

Всего в лагере было 28 скаутов (11+ лет), 10 ребят в стае (8-10 лет) и двое «птенчиков». Это дало нам возможность сделать 4 звена, между которыми всю неделю шло соревнование за звание лучшего. Забегая вперёд, отметим, что лучшим оказалось звено Лидии Токаревой, но они опередили своих ближайших соперников всего на 1 балл, т.е. старались все!

Погода была солнечной, со слабым ветром, что позволило нам в воскресенье и в понедельник провести два речных похода на каяках. Перед каждым из них все разведчики прошли инструктаж по правилам поведения на открытой воде на каноэ и каяках: как правильно застёгивать спасательные жилеты, как садиться в каяк и выходить из него, как держать весло, как правильно грести, как тормозить, а также прошли тренировку в маленьком пруду. В этом же пруду, начиная с субботы, осваивала плавание на каноэ стая.

В походах нам очень помогли представители австралийских скаутов Рой и Марк. С Марком нас связывает давняя дружба – ведь это он помог нам провести первый настоящий четырёхдневный поход по Муррею в 2017 году, и в этот раз он тоже любезно согласился приехать и помочь нам. Он также организовал четыре тренировки на каяках для ребят в течение года (в них принимали участие и австралийские скауты) и две вылазки на каяках для

руководителей. А Рой во время большого похода принимал экзамены у Екатерины Пузановой и Елены Муравьёвой, молодых руководительниц, которые в ноябре прошли соответствующие курсы по каякам. Организационные вопросы: составление подробного плана, подготовку запасов воды и аптечки первой помощи, навигацию и координацию всего похода по условиям экзамена на этот раз взяли на себя Екатерина и Елена. Таким образом, в большом походе приняли участие два представителя австралийских скаутов, трое руководителей и кандидатов и один родитель из числа помощников.

Екатерина и Елена объяснили ребятам правила и назначили сцепки (кто за кем смотрит в парах), а также ведущего и замыкающего.

Когда мы в первом походе проходили мимо заповедника, где стоит полуразрушенный дом и который тоже называется Рунка, Марк рассказал нам о том, что по-абorigенски «Рунка» это вид ночных бабочек, которые массово выводятся в

этих местах при наступлении первой жары. Он также рассказал, что здесь находились древние аборигенные захоронения 4-тысячелетней давности и именно поэтому здесь заповедное место, куда нельзя высаживаться.

В целом оба похода прошли хорошо. Ребята проявили выносливость и закрепили навыки, приобретённые на предыдущих тренировочных занятиях в West Lakes и на Warren Reservoir.

Во вторник ребята помимо занятий, после обеда строили плоты по звеньям и проводили состязания в пруду, где надо было на деле убедиться, у кого плот лучше. При этом ребята из стаи тоже распределились между звеньями, помогая старшим в игре.

В среду был День Памяти Верных, когда мы вспоминаем тех разведчиков и руководителей, кто отдал свою жизнь скаутам. Жалко, что в этом году к нам не приехал о. Владимир (из-за расстояния), но мы, тем не менее, провели церемонию, включая факельную часть. На наше счастье в этот день не было полного

запрета на огонь, и костёр мы тоже зажигали по-настоящему от факелов. На костёр в этот день по традиции пришли только те, у кого уже был галстук.

В четверг ребята сами готовили себе ужин на походных печках – у них проходил кулинарный конкурс. Это всегда очень эмоционально насыщенное мероприятие!

В течение лагеря все руководители занимались с ребятами по разрядам: разведчество (история скаутов), религия (основы Православия), родноведение (основы географии и истории России) и практика (узлы, первая помощь, ориентирование и т.д.). Поздравляем всех, кто успешно прошёл сдачу на разряды и специальности и получил значки. Двое разведчиков в этом лагере дали Торжественное Обещание, а одна разведчица (Алиса Бутонова) получила лесное имя.

В заключении хотелось бы выразить особую благодарность всем работникам нашей кухни за их труд, невероятно вкусные завтраки, обеды, ужины и их улыбки!

Также большое спасибо Екатерине Урусовой, помогавшей нам с уборкой лагеря в последний день.

Особенно хочется также отметить отличную работу Екатерины Пузановой, которая в конце лагеря была произведена в звание инструктора. Она учится на парамедика и в лагере заведовала медицинской, и даже в трудных ситуациях, которые возникали, она с честью преодолевала все проблемы, проявляя находчивость и бодрость духа. Рой был также очень впечатлён тем, как она руководила речным походом! Кроме этого она организовала для ребят соревнование по ориентированию. Так держать!

Троє разведчиків отримали в цьому лагері свою першу нагороду: Срібляній Пальмової Ветці IV ступені були нагорождені Поліна Брукс, Лідія Токарєва і Єгор Урусов. А Даниїл Колесник і Алиса Бутонова отримали звання «найкращий лагерник» і «найкраща лагерниця» - поздравляємо їх всіх!

І окрема подяка всім разведчикам і разведчицям, які допомогли нам утворити неповторну атмосферу цього лагеря, обрасти нових друзів і нові досягнення, а також увезти з собою особливі воспомінання про час проведення разом.

В останній вечір ми по традиції забивали топор со словами лагерного обещания: «В следующем году опять в лагерь!» Надеемся, что следующий лагерь мы сможем провести совместно с мельбурнцами.

Всегда готовы! За Россию!

*Ски. Константин Жуковский
и помощница Валерия Сибакова*

Колядки

В этом году на второй день после Рождества церковный хор по традиции ездил по домам прихожан с колядками. Прошедший год был очень непростым для всего мира, много месяцев люди не могли ходить в храмы, но вот, с Божьей помощью, всё потихоньку восстанавливается (по крайней мере, в Австралии).

В гостях у о. Дмитрия

Кроме обычного списка для посещений хор в этом году сделал несколько «экспромтных» визитов и не зря! Среди таких необычных посещений был визит к Дитеру и Алли Хауптманнам, которые были очень растроганы, услышав на русском языке знакомую колядку, которую в детстве слышали на родном немецком языке. Надеемся, что и в будущем многие из тех, кого мы посетили впервые, захотят, чтобы мы опять приехали к ним на Рождество!

У Дитера и Алли Хауптманн

У прихожанок Людмилы Жуковской и Светланы Макаровой

В перерыве можно и отдохнуть:
о. Павел Токарев и Екатерина Губченко
играют в настольный теннис

Крестный ход и освящение воды
на Крещение Господне в нашем храме

Dr. Natasha Voin
LEVEL 6
SUITES 618-619
147 PIRIE STREET, ADELAIDE 5000
(facing Hindmarsh square)
PHONE: (08) 722 518 89
(говорим по-русски)

OPENING SPECIALS:
GAP FREE dental treatment for children under 18 years of age (and 25 years for those with BUPA)
GAP FREE check, clean and x-rays (if you do not have any private health cover you will find our fees very reasonable)
Refer a friend and get ½ price tooth whitening
With a bright, modern environment, friendly atmosphere, spacious rooms, and state of the art equipment, you will feel confident that we can provide you with a service that will keep you smiling!
We have flexible working hours, so come see us in your lunch break, or bring the kids in for gap free dental care!
We are preferred providers with BUPA, HCF, accept all major health funds, Dept of Veterans Affairs (DVA), South Australian Dental service (SADS), we bulk bill Medicare Teen Dental scheme and have HICAPS facility for on the spot claims.

Morozov
Migration
Services

Anna Morozov - специалист по миграционному законодательству Австралии и зарегистрированный миграционный агент **MARN 0852237**, NAATI сертифицированный переводчик (English-Russian), предлагает:

- бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
- полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:
- независимая профессиональная спонсированная штатом/работодателем студенческие визы - визы партнера невесты - родительские визы
- туристические и Skills Assessment профессиональный перевод документов

Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731
Пишите: info@morozovmigration.com.au

Damien Elberg

Peter Elberg

Peter Elberg
FUNERALS

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends.
Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding

*Proudly South Australian
Owned & Operated*

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

AUSTRALIAN
FUNERAL
DIRECTORS
ASSOCIATION